

СПЕКТАКЛЬ-ПЕСНЯ О ПОДВИГЕ ПОЭТА

Спектакль о трагической жизни и творческом подвиге великого русского песенника Алексея Кольцова, показанный гастроллирующим в столице Воронежским драматическим театром, горячо принят взыскательными московскими зрителями.

Это успех, и успех заслуженный. Можно было бы, конечно, упрекнуть автора пьесы В. Кораблинова, впервые выступающего в драматургии, в слабой сюжетной связанности отдельных сцен пьесы, в эскизности характера Виссариона Белинского, в незавершенности образа матери поэта Прасковьи Васильевны Кольцовой, которая, как известно, сыграла важную роль в поэтическом воспитании сына. Можно было бы упрекнуть автора и в том, что он не дал возможности достаточно полно раскрыться драматическому дарованию молодой актрисы Т. Павловой, играющей крепостную девушку Дуню, невесту поэта, чудесная душа которой и главный подвиг ее жизни раскрываются не на сцене, а где-то за кулисами.

Можно было бы сделать еще несколько подобных упреков и писателю Кораблинову, в автору композиции спектакля режиссеру Ф. Шишгину, но нам кажется, что было бы не совсем закономерно заострять на них внимание, не учитывая всего своеобразия пьесы и спектакля.

Ведь то, что непреложно для драматической поэзии, народной драмы и психологической пьесы, то, может быть, не всегда обязательно для песенного сценического произведения. Тут, может быть, иногда достаточно штриха, намек, чтобы затем в музыке и песне развить его в большой поэтический образ.

Своеобразие же пьесы и спектакля не только в том, что значительная часть текста пьесы отведена подлинным чудесным кольцовским стихам-песням, положенным на музыку Мусоргским, Балакиревым, Варламовым, Гурилевым и другими русскими композиторами, но и в том, что все действие пьесы и спектакля насыщено песней.

Словарь авторского текста близок языку кольцовских песен, и лишь редкая фраза вырывается из этой поэтиче-

ской атмосферы. В этом несомненная заслуга драматурга. Заслуга драматурга также и в том, что он сумел создать достоверный, поэтический образ, прежде всего самого Алексея Кольцова; страшный характер его отца — самодура и владыки «темного царства» оценивающего все живое с точки зрения прибыли в своем денежном мешке; героический образ беглого крепостного Кирилла, своеобразные характеры помещика Байдына, «просвещенного» книготорговца Кашкина и некоторых других, дающих возможность артистам и режиссеру поставить исторически правдивый, поэтический, идейно верный спектакль.

Постановщик спектакля Ф. Шишгин уже известен как ищущий, беспокойный режиссер. Но в этом спектакле он больше, чем в каком-либо другом, проявил свой творческий характер. Вопреки всем привычкам русского театра, он смело ввел в драматический спектакль десять песен Кольцова, широко использовал музыку классиков к ним, ввел на сцену как бы в качестве живой рамки вокруг игровой площадки два хора — хор юношей и хор девушек. Трудно сказать, что в этом спектакле главное: драматические ли события или песни.

Режиссер оказался не только мастером темпераментных драматических сцен, разыгрывающихся в спектакле, но и великолепным знатоком песен своего великого земляка. Ему удалось слить поэзию драмы и душу песни воедино и создать глубоко народный спектакль, который иначе и определить нельзя, как только спектакль-песня. Песня в этом спектакле не только иллюстрирует или характеризует определенное состояние героя, она пронизывает весь спектакль и делает его то глубоко задушевным, то раздольным и широким, то грозным и протестующим.

Учащиеся музыкальной школы и драматической студии театра под руководством музыкантов А. Пильщикова и В. Ижогина не только отлично поют, но и глубоко понимают происходящее на сцене, и потому они выражают художественную мысль спектакля.

Вот еще при полузатемненной сцене призывно и широко прозвучала первая песня:

Эх ты, степь моя, степь широкая,
Поросла ты, степь, ковылем-травой...

Как бы из самой песни возникает ошеломляющее лицо юного Алексея Кольцова. Образ его реален, но одновременно удивительно похож на песню. Вдохновенно воплощаемый артистом С. Ожигиным, он юн и чудесен, полон поэзии и благородных дум. Он впервые полюбил чудесную Дуню, крепостную своего отца, и поклялся жениться на ней. Но отец, не дрогнув, продал Дуню развратному помещику в другую губернию. И многострадальная драма жизни юного поэта началась. Второй удар он получает от «друга», «просвещенного» книготорговца Кашкина, который испугался связи молодого поэта с Белинским...

На поэта сыплются со стороны узурпаторов и самодуров темного царства удар за ударом. И после каждого удара рождается и могуче звучит в театре новая песня, полная неподкупной человеческой правды, горя и протеста.

Последний удар, который оказался роковым для поэта, наносит его вторая любовь — Варя (артистка Л. Макарова), которая ценой измены своему возлюбленному достала денег, чтобы «освободить» поэта от подписки о невыезде из страшного отцовского дома и тем вырвать его из темного царства. Поэт умирает на холодном чердаке богатого дома своего отца. Полукруг хора смыкается на сцене, звучит его последняя песня о жизни.

Что же является главным в спектакле? Все: хоры, оркестр, декорации художника В. Цубина, рисующие песенную ширь родной природы, изобличительный пафос артиста М. Зинковского, изображающего душегуба-отца, и будто вырезанный из камня монументальный образ бунтаря Кирилла, созданный артистом С. Паповым, и все остальные участники спектакля, вдохновенно, с полным сознанием высокого долга перед народом создавшие эту постановку. Под впечатлением спектакля мы, зрители, провожая любимого поэта в последний путь, думали: ты погиб, но не сдался, а совершил подвиг во имя счастья народа. Русский поклон тебе, Алексей Васильевич!

Дм. ЗОРИН.

Коллекция песен
24. VI. 58.
Иребага